

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Мишина Наталья Вячеславовна	доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Государственное и муниципальное управление», Ростовский государственный университет путей сообщения (344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2). E-mail: natalya.mishina@list.ru
Шпак Виктор Юрьевич	доктор философских наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Ростовский государственный университет путей сообщения (344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2). E-mail: gmu@rgups.ru

Аннотация

Авторы статьи обосновывают суждение о том, что любой вид безопасности имеет человеческое содержание, которое должно отражать интересы простых граждан, быть им понятным, одобряемым, а, следовательно, принятым и реализуемым сознательно. В этой связи проблемы личной безопасности в её политико-правовом измерении требуют глубокого научно-теоретического осмысления.

Ключевые слова: *безопасность, личная безопасность, безопасность личности, политическое сознание, права и свободы человека*

В понятийном аппарате современного российского обществознания в последние годы находят активное употребление категории: «демократия», «права человека», «свобода», «креативность», «справедливость», «краудсорсинг», «безопасность» и другие.

Безопасность – очень сложное, многоплановое, разностороннее, многоаспектное, общественное явление. Попадая в предметное поле различных общественных отраслей знания, оно находит специфику своего содержательного теоретического выражения, нацеленную на оптимальную, практическую реализацию. Но если не быть сторонником поспешных познавательно-теоретических и неосмысленных практических действий, безосновательной подготовки их условий, недостаточной духовной зрелости человеческих субъектов, то следует признать, что в состоянии размытости ценностей, системном кризисе, охватившем все основные сферы жизнедеятельности общества, проблема безопасности не имеет необходимой основы теоретического концептуального оформления и при нашем стремлении быстрее её создать существует риск также быстро её похоронить до родов. Ницше был прав, когда отмечал: «Если вы хотите двинуть науку как можно быстрее вперёд, то вы рискуете её очень быстро погубить, подобно тому, как у вас погибнет насадка, если вы вздумаете принуждать её искусственными мерами нести как можно быстрее яйца» [1, с. 204].

Данный вывод базируется на следующих основаниях. В последние годы проблема безопасности находится в центре внимания множества научных и ненаучных исследователей. В зависимости от уровня рассмотрения институциональных и индивидуальных субъектов, отраслей знания выделяют различные виды, формы безопасности: глобальную, национальную, государственную, региональную, юридическую, экономическую, открытую и скрытую, латентную, и т.д. Делаются попытки концептуально выразить эту проблему, тем более что есть нормативно-правовой акт концептуального содержания. Но совершенно очевидно, что наличие подобного акта еще не свидетельствует о строго научном, системном, целостном и концептуальном оформлении данного общественного явления.

Очень часто в литературе многообразие видов безопасности не связаны между собой диалектически. Они не взаимодополняют и содержательно не пересекаются. Механизмы их осуществимости довольно часто носят абстрактный характер. Нет продуманной технологичности, процессуальности и инструментальности их реализации. Компаративный метод при анализе проблем безопасности часто применяется в ракурсе выражения наличного факта этого явления без понимания того, что

сравнивать любые явления при разнице уровней содержания, общественного развития, принципиально разной духовной составляющей культуры субъектов неэффективно.

Вестернизация знания, например, американских проблем безопасности на российскую почву не имеет никаких перспектив её научной и практической реализации. В подтверждение этого суждения сошлемся на пример, взятый из одной из последних книг американского политолога Ф. Фукуямы, который около десяти лет занимался разработкой проблем национальной безопасности в США. Он пишет, что: «американцы известны своей склонностью к тяжбам и имеют намного большее количество юристов на душу населения, чем любое другое развитое общество. Вопросы, которые некогда улаживались рукопожатием, сейчас доводятся многими американцами до суда» [2, с. 41]. Совершенно иная ментальность у россиян. Они, как правило, обращаются в суд только в случае крайней необходимости и стараются не обращаться в суд по «мелким» вопросам, улаживая жизненные сюжеты вне правоохранительной системы. Этот и ему подобные примеры нельзя игнорировать при построении и осуществлении любого вида безопасности.

К тому же, как отмечает Ф. Фукуяма, «власть закона не может приниматься как данность» и некоторым государствам не удается защитить права собственности или обеспечить общественную безопасность, в результате чего семья делается островком безопасности. При отсутствии эффективной судебной системы России «государство оказалось неэффективным в деле защиты прав собственности и личной безопасности, что принуждало людей обращаться к частным источникам защиты в виде местной мафии» [2, с. 332].

Анализ различных видов безопасности в их массовидном, коллективном представлении и выражении, как правило, остаётся вне сознания, культуры, менталитета рядовых граждан, поскольку человек живёт в среде ближайшего окружения, малой ассоциации, родственников, соседей, в семье, трудовом коллективе и т.п. Его, следовательно, волнуют вопросы, интересы этих сообществ людей и, естественно, свои интересы как осознаваемая часть интересов этих небольших коллективов. Проблемы больших социальных общностей людей, наций, государства, а тем более глобальные проблемы могут его волновать лишь в той мере, в какой он обнаружит в их содержании свой личный интерес или ценность. Отсюда следует следующий вывод: любой вид безопасности имеет человеческое содержание, которое, чтобы не остаться вообще абстрактным императивом, должно отражать, выражать интересы рядовых, простых граждан, быть им понятным, одобряемым, а, следовательно, принятым и реализуемым сознательно. Только этим механизмом можно достичь цели, при которой любая коллективная безопасность не будет абсолютно внешним явлением для отдельного человека, а станет его внутренней потребностью осознать её как свою и, соответственно, действовать эффективным образом. Тем самым, любой вид безопасности при теоретическом оформлении своего содержания должен описываться через призму человеческих интересов, ценностей, прав и свобод, а также личностных обязанностей. К тому же, в нынешнее сложное, небезопасное время, движимое с изменчивой скоростью и нелинейным маршрутом, когда происходит переоценка роли и значения умного, творческого человека, степени осознания и актуализации антропологического времени как то: удержание, инерция, намерение, действие, пробуждение [3, с. 93, 105] побуждают человека к инновационным трендам и владению новой методологией и практикой деятельности.

Человек живёт в системе различного рода опасностей: природных, социальных, криминальных, экономических, семейных, психологических и т.д. Он старается их минимизировать, но преодолеть даже часть их них нельзя. Часто трудно прогнозировать появление новых опасностей, но ещё труднее выявить их причины и механизмы минимизации или преодоления. В любом случае человек осознает, как правило, наличие личных опасностей и старается защитить, обезопасить себя от них. Чем старше становится человек, тем более он понимает, что обезопасить себя, в основном, может только он сам. Ссылки на конституционную норму, закрепляющую и гарантирующую защиту человека как высшую социальную ценность государством, сплошь нарушаются. Отсюда на первый план выходит проблема личной безопасности, осуществляемая в первую очередь собственными средствами духовного и материального характера. В случае принципиальной невозможности обеспечить личную безопасность человека он должен активно действовать, выходя на государственные, общественные и другие институты,

призванные осуществлять защитно-человеческие, охранительные функции. Подобное представление личной безопасности, соединенное с рядом реальных механизмов её реализации, должно стать нормой не только юридической, но и индивидуальной жизни. Без и вне её всякие построения любого вида безопасности останутся незатронутыми интересами рядовых граждан, а следовательно, не могут быть осуществлены оптимальным образом. Отсюда вывод: личная безопасность есть исходное начало и относительно конечная цель любого вида общественной безопасности.

В.Д. Зорькин верно отметил: «Свобода граждан, т.е. их безопасность на основе общих норм права, гарантируется, прежде всего, государством. Права и свободы, в том числе природные основные права человека, не могут реализоваться без дееспособной политической власти, то есть вне государства как политического сообщества народа, связанного правом и общей целью, общей пользой» [4, с. 13].

Личная безопасность не только многосоставная с точки зрения своего внутреннего содержания. Она может анализироваться с позиций ментальности, предпочтений, идеологий любой гуманитарной отрасли знания, что позволит, во-первых, рассмотреть её специфичность, ракурсность в более конкретном виде, форме и, во-вторых, на базе этого произвести синтез полученных знаний и представить личную безопасность как относительно целостное, автономное явление.

Обращаем внимание в свете данных положений только на некоторые сюжеты политико-правового анализа личной безопасности. При этом привлечём в их подтверждение взгляды отечественных политических юристов, таких как И.А. Ильин и Л.А. Тихомиров, которые в исследовательском дискурсе дали немало ценных и полезных советов, предложений, актуализированных сегодня не только теоретическими постулатами, но и политико-правовой практикой.

Начнём с Л.А. Тихомирова, поскольку его основная работа «Монархическая государственность» была написана в 1905 г., то есть раньше, чем фундаментальный труд И.А. Ильина «О сущности правосознания».

Л.А. Тихомиров содержание политической аксиомы видел в том, что « в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, права и свободы» [5, с. 22]. Это, по сути, патерналистский подход к проблеме. Сейчас в России он является господствующим. Совершенно очевидно, что чем более он будет укоренён в сознании многих россиян и проявляться в их действиях, тем менее всего личная безопасность будет имманентно включать в себя внутреннюю мотивацию, ресурсы и технологии личностного сознания и поведения. Л.А. Тихомиров отмечал: «Нация приучается всё меньше делать что-либо собственными силами и удовлетворения всякой своей потребности ждёт от «начальства». Это истинное политическое развращение взрослых людей, превращаемых в детей, сопровождается отсутствием возможности их контроля за действиями опекаателей-чиновников» [5, с. 355].

В чём заключаются причины подобного положения? Отметим только две из них. Во-первых, недостаточная политическая сознательность народа, слабость, спутанность и противоречивость её условий. Более того, «Россия не обнаружила достаточной степени познания самой себя и своих основ для выработки сознательной системы их осуществления» [5, с. 353]. Во-вторых, политическую сущность бытия русского народа Тихомиров видел в том, что он создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше юридических отношений – начало этическое. Тем самым политико-правовой анализ в определённой степени подменился политико-этическим. Для того чтобы сильное, прочное и систематическое действие политической идеи было реальным, эта идея должна «сознать себя как политическая. Она должна иметь свою политическую философию и систему права. Этого у нас никогда не было» [5, с. 246].

И.А. Ильин также обращал внимание на взаимопересечения, взаимодополнительность права и политики, в нашем случае применительно к анализу личной безопасности. Но здесь ракурс рассмотрения проблемы определяется в значительной степени её духовно-сознательной компонентой. Выделяя основные аксиомы правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению, взаимное уважение и доверие людей друг к другу – он особо подчёркивал: «Люди всё ещё не усвоили основную аксиому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для внутреннего мира и осуществляются именно через правосознание.

И в науке, и в жизни всё ещё господствует формальное понимание государства, извращающее его природу и разлагающее в душах все основные начала гражданственности» [6, с. 167]. Данная аксиома фиксирует проблему безопасности личности. Так, И.А. Ильин пишет: «Не уважая себя, он [человек – авт.] не уважает и гражданина в себе; не понимая своего духовного достоинства, он не видит духовного достоинства ни в других гражданах, ни в государстве, ни в государственной власти. Он воспринимает чужое достоинство как чужую силу и видит в ней или своё орудие, или свою опасность» [6, с. 227].

Среди множества других аспектов данной проблемы отметим ту, в которой И.А. Ильин отмечал факт пользования «я» гарантированной положительным правом безопасности задолго до того, как успел понять его необходимость для собственного существования. При этом «естественное право лежит сокровенным образом в основе положительного [права – авт.], присутствуя в нём, во-первых, в качестве известного «минимума правоты», во-вторых, в лице своих основных категорий, и в-третьих, в виде имманентного, но недоразрешённого задания» [6, с. 126].

Данная проблема значительна по содержанию выраженных в ней сюжетов. Она выходит также и на личную гражданскую безопасность человека, связывая её с полномочиями государства и гражданственностью каждого индивида. И.А. Ильин писал: «Созданное ради естественного права, государство утверждает естественные полномочия каждого гражданина, оберегая его как самобытный, творческий центр духовной жизни и благоприятствуя ему в его автономном самоопределении» [6, с. 178].

И, наконец, ещё один момент. Мы привыкли к суждению о том, что наша армия – основной государственный институт, охраняющий нашу безопасность. Казалось бы, в силу этого наши парни должны были бы охотно идти служить, выполнять свой долг. Но происходит как раз наоборот. И.А. Ильин причину этого видит в следующем: «если призыв в армию не находит живого отклика и готовности, то слагающаяся армия останется эфемерной организацией – непрочной, небоеспособной, таящей в себе начало распада и разложения» [6, с. 243]. Это, во-первых, А, во-вторых, «воин вне духовного самоутверждения есть реальная опасность для своей родины и своего государства. Армия вне достоинства и чести эфемерна как воинская сила, но подлинна как источник государственного разложения и гибели» [6, с. 223]. Вот почему, основываясь на опыте военных действий в Афганистане, А.И. Неклесса выделяет следующие «основные точки гибкой системы управления, преследующей следующие цели»:

- поддержание высокой боеготовности войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- непосредственный контроль над ключевыми/критическими зонами, оперативный контроль над окружающей средой, сохранение быстрого доступа в горячие точки;
- выстраивание синкретичных коалиций, отлаживание коммуникации и комплексного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- апробация инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные; испытание техники и вооружений;
- использование частных военных корпораций, создание конъюнктурных оперативно-тактических союзов и гибридных коалиций [3, с. 102].

Таковы лишь некоторые аспекты рассмотренной проблемы личной безопасности в её политико-правовом измерении. Естественно, что данные сюжеты требуют глубокого научно-теоретического осмысления, исследования, чтобы на их базе хотя бы начать процесс позитивного решения актуальнейшей проблемы современности, затрагивающей не только общице, но и личностные интересы.

Литература

1. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Соч., в 2-х тт. М., 1990. Т. 1.
2. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. 474 с.
3. Неклесса А.И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. 2015. № 1. С. 85–110.
4. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Наш трудный путь к праву. М., 2006.
5. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2006.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания. Соч., в 2-х тт. Т.1. М., 1993.

Mishina Natalya Vyacheslavovna, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department "State and municipal management"; Rostov State Transport University (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya ploschad', Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation). E-mail: natalya.mishina@list.ru

Shpak Viktor Yuryevich, doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department "State and municipal management"; Rostov State Transport University (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya ploschad', Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation). E-mail: natalya.mishina@list.ru

LEGAL AND POLITICAL ASPECTS OF THE PERSON'S SECURITY

Abstract

The authors substantiate the judgment that any kind of security contains the human content, which should reflect the interests of ordinary citizens, be understandable, approved and, consequently, adopted and implemented consciously. In this regard, the problems of personal security in the legal-political dimension require a deep scientific and theoretical reflection.

Keywords: security, individual security, security of a person, political consciousness, human's rights and freedoms.

References

1. Nicshe F. O pol'ze i vrede istorii dlja zhizni. Soch., v 2-h tt. M., 1990. T. 1.
2. Fukujama F. Velikij razryv. M., 2003. 474 s.
3. Neklessa A.I. Okna v budushhee: kul'tura slozhnosti i samoorganizacii // Polis. 2015. № 1. S. 85–110.
4. Zor'kin V.D. Verhovenstvo prava i konstitucionnoe pravosudie // Nash trudnyj put' k pravu. M., 2006.
5. Tihomirov L.A. Monarhicheskaja gosudarstvennost'. M., 2006.
6. Il'in I.A. O sushhnosti pravosoznaniya. Soch., v 2-h tt. T.1. M., 1993.

УДК 327.341.1

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

**Балуев
Дмитрий
Геннадьевич**

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).
E-mail: dbalu@yandex

Аннотация

В статье осуществляется постановка научной проблемы, связанной с влиянием социальных медиа на информационный суверенитет России. Уточняется терминологический аппарат. Приводятся основные выводы исследования, проведенного автором. Выделяются тенденции в исследуемой области, которые могут стать направлениями дальнейших исследований.

Ключевые слова: информационный суверенитет, информационная безопасность, социальные медиа, государство, политический процесс.

Современные информационно-коммуникационные технологии активно распространяются по всему миру. Их влияние на себе уже ощутили различные сферы общества [1]. Им придаётся особое значение в таких сферах, как образование, здравоохранение, оказание государственных услуг и т.д. Свой вклад они внесли в процессы, связанные с распространением информации и поддержанием социальных связей. Одной из технологий, оказывающей, пожалуй, наибольшее влияние на общественные процессы являются так называемые «социальные медиа». Субъекты, которые обозначаются в качестве «социальных медиа», приобрели особую значимость в современном обществе и государстве [2].

Россия не является исключением по степени влияния социальных медиа на политическую жизнь. За последние годы российская интернет-аудитория значительно расширилась. Если в 2007 г.